

ДИСКУССИИ

ЧУВСТВЕННОЕ И ВНЕЧУВСТВЕННОЕ В ПРЕДМЕТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ПОДХОД Л.С. ВЫГОТСКОГО

© 2002 г. С. М. Морозов

Заместитель генерального директора издательства "Смысл", Москва

Анализируется соотношение категорий "поведение" и "сознание" на первом этапе развития теории Л.С. Выготского. Предлагается рассматривать построение им предмета исследования (одухотворенное поведение) на базе категории "органическая система".

Ключевые слова: предмет исследования; поведение; сознание; естественнонаучная психология; органическая система; одухотворенное поведение.

Имея конец пути, можно легче всего понять
и весь путь в целом, и смысл отдельных этапов.

Л.С. Выготский

В конце XIX столетия наука подошла к рубежу, за которым начиналось "исчезновение бытия". Аналитическая метода расчленила живое целое на мельчайшие атомы, изгнав из науки самое жизнь. Л.С. Выготский писал: "Сложные образования и процессы разлагались при этом на составные элементы и переставали существовать как целые, как структуры. Они сводились к процессам более элементарного порядка, занимающим подчиненное положение и выполняющим определенную функцию по отношению к целому, в состав которого они входят. Как организм, разложенный на составные элементы, обнаруживает свой состав, но уже не обнаруживает специфически органических свойств и закономерностей, так и эти сложные и целостные психические образования теряли свое основное качество, переставали быть самими собой при сведении их к процессам более элементарного порядка" [14, с. 7].

Итогом всепроникающего эмпиризма стал известный кризис (или "схизис" [8]), охвативший психологическую науку. Философы заговорили о необходимости преодолеть парадигму интеллектуализма, возвратиться к "жизни духа": "Высшей судебной инстанцией в делах познания не может и не должна быть инстанция рационалистическая и интеллектуалистическая, а лишь полная и целостная жизнь духа" [5, с. 28]. Впрочем, кризисные явления стали проявляться и в традиционных естественных науках. Проблема разведения фенотипических и каузальных понятий (Левин) нашла свое проявление в возникновении генетики и квантовой физики. Но у физиков и биологов чувственно-воспринимаемый предмет исследования

как был, так и остался таковым. Лишь у психологов такого предмета как не было, так и нет до сегодняшнего дня. Многие же считают, что обладать таким предметом – дело чести для "настоящей" науки.

Такое же мнение бытовало в начале прошлого века, когда Выготский заявил: *психология смешивает бытие и явление*. Снова и снова воспроизводит он цитату из Маркса: "Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня" [30, с. 384; см. также 12, с. 141, с. 413; 13, с. 223; 14, с. 98; 15, с. 154; 16, с. 73]. Изучая явление, многочисленные психологические школы считали его предметом своего исследования, в то время как предмет психологии на самом деле лишь феноменологически дан нам в нашем сознании. В отличие от других естественных наук, предмет психологии не дан в чувственном восприятии. Психология лишь на основании "кажимости" должна делать выводы о бытии. Поэтому она в принципе не может быть эмпирической наукой (т.е. изучающей чувственно данные объекты). Необходима особая теоретическая психология, которая только и может быть общей психологией, построенной на базе диалектического материализма, – психология способна быть только диалектической.

А.Н. Леонтьев рассказывал своим студентам, что Выготский предпочитал говорить не о психических, а о психологических процессах, "не торопясь членить психическое и непсихическое" [28, с. 39]. В этой "неторопливости" Выготского видится проявление принципиальной позиции авто-

ра культурно-исторической теории¹: *психика и поведение составляют единое целое.*

МЕТОДОЛОГИЯ ВЫГОТСКОГО ИЗЛОЖЕНА ИМ В "ИСТОРИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА"

Для того чтобы понять принципы построения Выготским предмета своего исследования, мы должны, прежде всего, принять во внимание *общую методологическую направленность исследований автора культурно-исторической теории*. Установка на создание общей психологической системы ярко проявлялась как в собственно методологических, так и в теоретико-экспериментальных его работах. Все его труды методологичны по своему духу. В то же время, есть одна работа, представляющая собой методологический труд *per se*. Это – "Исторический смысл психологического кризиса". Все последующие работы Выготского также содержат в себе мощный методологический заряд: "Кто рассматривает факты, неизбежно рассматривает их в свете той или иной теории", – писал Выготский [13, с. 26]. Но там методология как бы отодвигается автором на второй план, превращается в сцену, на которой действуют эмпирические факты, эмпирика выступает как средство, опосредующее методологическую цель.

Почему же Выготский после "Исторического смысла..." никогда больше не возвращался к попыткам "прописать" свою методологию? Ответы на этот вопрос могут быть разными. Один из них: Выготский ушел от заигрываний с бихевиоризмом, но свою методологию не создал, не завершил, не успел... Отчего же тогда современные исследователи творчества Выготского *успешно находят такую методологию*? Можно, вслед за

некоторыми исследователями творчества Выготского, заявить, что он сам не понимал значения своих работ, не осознавал их методологической мощи.

Возможно предложить еще один ответ: Выготский не возвращался после "Исторического смысла психологического кризиса" к чисто методологическим исследованиям просто потому, что методология у него уже имелась, вполне его устраивала и была изложена в названной работе. *Основу же этой методологии составило учение о предмете естественнонаучной психологии.*

Немаловажным в свете сказанного представляется тот факт, что свой "Исторический смысл..." Выготский писал, будучи приговоренным к смерти: "ему было отпущено врачами всего несколько месяцев жизни, так как состояние его считалось безнадежным, и он это знал!" [11, с. 199]. А.Р. Лурия вспоминал: "Л.С. Выготский написал эту работу в трагической ситуации: он был болен туберкулезом, врачи говорили, что ему осталось 3–4 месяца жизни, его поместили в санаторий... И тут он начал судорожно писать, чтобы оставить после себя какой-то основной труд" (цит. по [11, с. 200]). Эта работа стоит особняком в творчестве автора культурно-исторической теории. Перед лицом смерти Лев Семенович создает методологический труд такой силы, что и по сей день его имплицитное содержание остается *не до конца исчерпано психологией и психологами.*

ТЕОРИЯ Л.С.ВЫГОТСКОГО И ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Начало прошлого столетия – время бурных перемен в жизни людей и в науке. В естественности потрясает основы теории относительности. Переворачиваются представления людей о мире, в котором они живут. Труднее всего для человека изменить мнение о самом себе. Психология в эти годы все еще занимается разрешением споров между последователями В. Вундта и приверженцами Вюрцбургской школы, хотя и они отходят на второй план перед натиском бихевиористов, гештальтистов, модных психоаналитиков...

Концепция, созданная Выготским на первом этапе его психологической деятельности, в качестве своего основания имеет критический анализ рефлексологии. Он утверждает, что цели и средства рефлексологии не соответствуют друг другу. Цель, которую представители рефлексологии ставят перед собой – изучение сложных форм поведения человека, – не может быть достигнута посредством исследования простейших форм поведения, которое только и возможно в пределах рефлексологического методического аппарата. Перенос выводов, к которым приходят рефлексологи на основании поведения животных, на по-

¹ Термин "культурно-историческая теория Л.С. Выготского" приобрел с годами устойчивый характер. Однако, имеется ряд аргументов, заставляющих терминологически отграничить теорию эту от иных культурно-психологических подходов современной психологии. Теория и методология Выготского, на наш взгляд, существенно отличаются от всего, сделанного до и после него. Иногда исследовательская программа, осуществлявшаяся им и его единомышленниками в 1926–28 гг. [26], воспринимается как главное достижение Выготского и его научной школы. Кроме того, в современной российской психологии усилиями прежде всего А.Г. Асмолова [2, 3] и В.П. Зинченко [20–22] формируется культурно-историческая психология, которая, безусловно, базируясь на идеях Выготского, содержательно выходит далеко за пределы созданных им теоретических конструкций. Наконец, в современной европейской и североамериканской психологии существует культурно-историческая школа, некоторые положения которой отличаются от принципиальных представлений Выготского [19, с. 21–23]. Поэтому в данной статье мы предпочитаем употреблять термин "психологическая система Выготского", используя понятие "культурно-историческая теория" в качестве синонима, утрачивающего жесткую связь с анализируемыми нами теоретическими построениями.

ведение человека без учета его специфики вызывает целый ряд отрицательных последствий. Главное из них – понятие “рефлекс” становится абстракцией, в своей всеохватывающей всеобщности ничего не объясняющей. Поэтому рефлексология превращается в декларативную и схематичную науку. По мнению Выготского, рефлексология подошла к поворотному пункту в своем развитии, когда противоречие между старыми средствами и новыми целями должно было вызвать коренные изменения в содержании этой науки.

Бихевиоризм, направивший всю свою энергию на изучение поведенческих реакций, оставил без внимания внутреннюю жизнь человека, отрицая, по существу, не только интимно-личностные, эмоциональные аспекты психики, но и закономерности процесса познания. Впрочем, концепции поведенческого подхода имели довольно сильные отличия “в России, где в условиях нараставшего революционного движения на передний план выступала защита достоинства и независимости человеческой личности, и в Соединенных Штатах, где доминировал утилитарный, прагматический подход к человеку” [38, с. 177], обусловленный запросами быстро развивавшейся экономики. Особенно резко это проявилось во взглядах на роль сознания. Классический бихевиоризм отверг постулат о том, что психолог – это исследователь сознания, как чего-то внутреннего, выступающего в виде субъективных образов. Утверждалось, что поведение человека может стать объектом точной науки лишь после отказа от сознания и других “менталистских” понятий. В отличие от американского бихевиоризма, в работах русских ученых (Сеченов, Павлов, Бехтерев) всегда подчеркивалось отличие исследования поведения от основных задач психологии. В.М. Бехтерев, пытавшийся, как известно, распространить законы механики на общество, писал: “По крайней мере нет основания признавать, что в проявлениях психической сферы дело обошлось бы без присутствия субъективного... Мы не можем вообще согласиться с мнением, что сознание является простым эпифеноменом материальных процессов. В природе нет ничего лишнего, и субъективный мир не есть только ненужная величина или бесплодное качество в общей нервно-психической работе” [7, с. 17]. И.П. Павлов, отмечал огромное значение психологии: “Мы – проще, чем психологи, мы строим фундамент высшей нервной деятельности, а они строят высшую надстройку... Ведь психологическое знание и исследование поставлено чрезвычайно трудно, оно имеет дело со страшно сложным материалом... Ведь в психологии речь идет о сознательных явлениях, а мы отлично знаем, до какой степени душевная, психическая жизнь пестро складывается из сознательного и бессознательного.” [32, с. 105].

В марксистской психологии существовало утверждение, в соответствии с которым Выготский в своей психологической теории некритически воспроизводит основные принципы бихевиоризма. Это утверждение нуждается в уточнении. На наш взгляд, полный отрыв психологии от теоретических принципов бихевиоризма может породить теоретико-методологический разрыв между исследованием человека, его личности и деятельности, с одной стороны, и “генетических” истоков личности, сознания и деятельности человека, с другой. Ведь единица анализа, выделенная бихевиористами (S–R), выражает реальный механизм взаимодействия как животных, так и человека с внешней средой. Другое дело, что применительно к человеку этот принцип утрачивает свою объяснительную силу.

Вряд ли есть исследователи, которые могли бы всерьез отрицать принцип взаимодействия человека и окружающего его мира. Вспомним хотя бы слова С.Л. Рубинштейна, утверждавшего: “Все можно действительно подвести под общее понятие рефлекса, рефлекторно-сочетательной деятельности, но в этом подведении под такое абстрактное общее понятие утрачиваются специфические определения различных функций, которые они имеют и определяются в своем специфическом отличии от других” [34, с. 371]. Дело как раз в том, что принцип S–R специфичен для живых организмов лишь до определенного уровня. Именно поэтому следует с осторожностью подходить к интерпретации таких, например, высказываний Выготского: “Всякий культурный прием поведения, даже самый сложный, может быть всегда полностью и без всякого остатка разложен на составляющие его естественные нервно-психические процессы, как работа всякой машины может быть в конечном счете сведена к известной системе физико-химических процессов” [17, с. 8]. Обратим внимание: не о разборке машины на отдельные детали (элементы) говорит Выготский, а о выделении схемы, принципа, закона, лежащего в основании работы целого. Физико-химические процессы, разумеется, применимы к значительно более широкому классу явлений, чем “машины”. Одновременно не эти всеобщие законы определяют сущность того объекта, который рассматривается в данном примере (машина).

Именно такой общей схемой является рефлекс. В современной Выготскому советской психологии рефлекс служил спасительным средством: по мнению поведенческой психологии, именно рефлекс, как единица, отражающая основные качества биологического организма, может служить противовесом элементаристскому принципу, к концу XIX в. вызывавшему всеобщее отторжение. Однако, физико-химические процессы, дающие адекватные объяснения объектам неживой природы, не могут сделать что-либо по-

добное в отношении живых организмов. Аналогично, *рефлекс, ставший адекватным объяснительным принципом в физиологии, не мог объяснить поведение человека.*

При дальнейшем усложнении организации поведения стимульно-реактивный принцип утрачивает функцию существенного признака. Однако и на уровне человека он продолжает играть определенную роль. Человек несомненно подвергается воздействиям со стороны внешних раздражителей и реагирует на них. Но такие “стимулы”, “реакции”, “рефлексы” принципиально отличаются от аналогичных процессов у животных. На смену принципу стимульности, как подметил А.Г. Асмолов [1], приходит принцип предметности. Если мы вспомним, что основным методологическим принципом для Выготского является диалектика, то безусловно должны придти к выводу: *принцип стимульности не исчезает, он снимается принципом предметности.* Стимульность, выражаясь словами Выготского, “схоронена” в предметности. Культурное развитие – это “развитие особого типа, обладающее своими особыми закономерностями” [17, с. 11]. Выявить специфику такого качественно нового поведения человека – в этом видит Выготский цель психологии.

Бихевиористскую концепцию можно рассматривать как предельную форму теории Л.С. Выготского, если воспользоваться принципом соответствия, сформулированным Н. Бором. Суть этого принципа состоит в том, что теории, справедливость которых установлена для той или иной области, с появлением более общих теорий не устраняются как нечто ложное, но сохраняют свое значение для прежней области как предельная форма и частный случай новых теорий. Если воспользоваться термином самого Бора, то можно сказать, что идея бихевиоризма это – “глубокая идея” или “большая истина”. Бор писал: “Существует тривиальная истина и большая истина. Противоречащее тривиальной истине, несомненно является ложным. Противоречащее же большей истине является также истинным” (цит. по [29, с. 48]). По словам современного исследователя, “отрицание, содержащееся в глубокой идее, несет в себе положительное утверждение, которое само может оказаться глубокой истиной. Согласно своеобразной симметрии, свойственной природе глубоких идей, если отрицание первоначальной идеи приводит к глубокой истине, но с еще большей уверенностью, чем прежде, можно утверждать, что первоначальная идея также глубоко истинна. Отрицание в этом случае становится средством выявления глубинности предшествующих идей, позволяя обнаружить в них ранее не замечавшиеся пласты смысла” [31, с. 94].

Выготский подчеркивает, что основной источник кризиса рефлексологии заключается в игно-

рировании ее представителями проблемы сознания. Рефлексология не отрицала наличия сознания, но и не принимала его в качестве своего предмета. Фактически это вело к эпифеноменализму в трактовке сознания и, в конечном итоге, к невозможности его научного объяснения. Рефлексология (так же как и американский бихевиоризм) оставалась наукой о поведении высших млекопитающих, в то время как задача науки о поведении человека заключалась в объяснении поведения средствами марксистской методологии, ассимиляция которой являлась актуальной задачей психологии. Но *объяснить поведение человека, с точки зрения Выготского, значит объяснить его сознание,* поскольку именно сознание является тем отличительным признаком, который выражает специфику поведения человека. Идея сознания как отличительного признака поведения человека становится исходным принципом позитивной части концепции Выготского, созданной им на первом этапе развития его теории.

ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ ТАК ЖЕ НЕЗАВИСИМ ОТ СОЗНАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ, КАК И ПРЕДМЕТЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

По мнению одного из исследователей творчества Выготского, пафос его теории – в отрицании “естественнонаучной парадигмы” [33]. Высказывания же самого Выготского не оставляют сомнений в том, что общая идея его психологической системы – в необходимости создания естественнонаучной психологии. Думается, подобная противоречивость явилась следствием введения А.А. Пузыреем иного, чем у Выготского, критерия естественнонаучности. По мнению Пузырея, таким критерием является независимость объекта от ситуации его исследования. Принимая свой тезис, автор, разумеется “доказывает” “неестественность” теории Выготского. Действительно, сегодня у психологов почти не вызывает сомнения тот факт, что предмет их исследования не может оставаться вне влияния ситуации исследования. Имеется множество примеров такого “внеэкспериментального” воздействия. Но при чем же здесь убежденность Выготского в необходимости создания естественнонаучной психологии, этот *raison d'être* его психологической системы? Ведь сам Выготский, одновременно отрицавший идеи бихевиористов, считавших естественнонаучной такую психологию, которая позволяет предсказывать и управлять актами поведения [36], и гештальтпсихологов, стремившихся к созданию естественнонаучной метатеории наподобие математики [10], – сам он *видел научный смысл психологии именно в естественности ее предмета.*

“Заслуга Л.С. Выготского состоит прежде всего в том, что он впервые в советской психологии начал систематическую и детальную разработку важнейшей проблемы соотношения социального и биологического (органического) в психическом развитии человека, проблемы общественно-исторической обусловленности человеческой психики.” [7, с. 6]. Эта оценка, данная в контексте критического разбора культурно-исторической теории, точно отражает одно из центральных звеньев концепции Выготского. Системообразующим ее фактором служит узел, связывающий несколько линий исследования. Вопросы педагогической психологии и патопсихологии, проблемы интериоризации, опосредованности, развития и многие другие из числа находившихся в центре внимания Выготского могут быть адекватно поняты в его интерпретации, только тогда, когда мы будем помнить о роли, которую играет в его системе взглядов *принцип социальной обусловленности психики человека*.

“Марксистская психология может быть только естественной наукой”, – пишет Выготский [12, с. 417], но тут же добавляет, что такое определение следует отличать от понятия “биологическая наука”. Понятие “естественность” не совпадает у Выготского с понятием “биологичность”: все биологическое естественно, но не все естественное биологично. Очевидно, смысл этого замечания для Выготского состоял в отмежевании как от интроспекционистских, так и бихевиористских толкований предмета: *предмет марксистской психологии в отличие от интроспекционизма естественен, но в отличие от бихевиоризма не биологичен*. Биологическое, конечно, участвует в развитии высших психических функций, но постольку, поскольку и социальное участвует в органическом развитии ребенка [17, с. 11].

Понятие предмета естественной науки у Выготского является чрезвычайно широким, фактически *совпадающим с понятием материальности*. Цитируя слова В.И. Ленина: “Единственное “свойство” материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания” [25, с. 275], – Выготский подчеркивает, что в данном определении выражен “в сущности принцип реализма” [12, с. 413].

Для Выготского естественно все, что реально существует. Наука о субъективном имеет не меньшее право на существование, чем математика или биология, поскольку предмет психологии в такой же степени независим от сознания исследователя, как и физические объекты.

ПСИХОЛОГИЯ ДОЛЖНА ОБЪЯСНЯТЬ СВОЙ ПРЕДМЕТ, А НЕ ЯВЛЕНИЯ СОЗНАНИЯ

Однако, сама по себе реальность познаваемого еще не является, по мнению Выготского, критерием научности. Для него *суть психологии как науки, прежде всего, в возможности объяснения*: “Для психологии как знания есть два пути: или путь науки, тогда она должна уметь объяснять; или знание об отрывочных видениях, тогда она невозможна как наука” [12, с. 414], – причем “объяснять – значит устанавливать связь между одним фактом или группой фактов и другой группой. Объяснять – значит для науки – причинно объяснять” [12, с. 300].

Во времена Выготского в психологии доминировали два подхода к проблеме причинного объяснения: психологический детерминизм В. Вундта и механический детерминизм, главной формой которого выступал бихевиоризм. В обоих случаях сознание трактовалось как ряд феноменов, которые либо должны объясняться из самих себя, либо вообще не должны рассматриваться как предмет науки. В итоге *сознание приобретало статус неестественного явления*, т.е. такого, в основании функционирования которого лежат законы, принципиально отличные от законов, управляющих функционированием естественных объектов.

Эмпирическая психология начала XX в., которую Выготский рассматривал как альтернативу марксистской психологии, фактически *ограничивалась этапом обобщения явлений*. Но “истинная задача анализа во всякой науке есть ... вскрытие реальных каузально-динамических связей, лежащих в основе каких-нибудь явлений” [14, с. 96]. Поэтому “нас должен интересовать ... не готовый результат, не итог, или продукт развития, а самый процесс возникновения или установления высшей формы, охваченной в живом виде” [14, с. 100], поскольку “явление определяется не на основе его внешнего вида, но на основе его реального происхождения” [14, с. 97].

Таким образом, реальность, по Выготскому, не сводится к возможностям чувственного восприятия. *Реален не являющийся (т.е. чувственно воспринимаемый) объект, а объект в своем становлении (развитии), подчиняющийся закономерным причинным связям*. Истинная реальность может находиться вне пределов чувственного восприятия. То, что мы воспринимаем (видим, слышим, ощущаем) – лишь “отрывочные видения”, явление нам реальности.

ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ – ОРГАНИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Разумеется, разведение понятий “естественное” и “биологическое” еще не давало возможности указать признаки, характерные для предмета психологии как естественной науки. Уточнение Выготским толкования предмета психологии дает сопоставление этого понимания с понятием “органическая система”, употреблявшимся Марксом. Раскрывая свое понимание естественнонаучности, Выготский подчеркивает: “В этом смысле Маркс, по его словам, изучает процесс развития экономических формаций как естественноисторический процесс” [12, с. 418]. Отсюда мы можем сделать вывод об *аналогичности понимания предмета исследования Выготским тому содержанию, которое вкладывал Маркс в понимание предмета своего исследования.*

Сошлемся на исследования советских философов, изучавших понятие “органическая система” в контексте анализа категорий марксистской философии. Так, Б. Грушин определяет органическую систему как “сложный развивающийся объект” [18, с. 238]. Э.В. Ильенков отметил, что необходимые предпосылки и условия возникновения органической системы “сохраняются на всем протяжении ее истории... И, наоборот, каждое действительно необходимое следствие существования данной системы необходимо же превращается в условие его дальнейшего развития... И поскольку данная конкретная органическая система действительно превратила условия своего возникновения в следствия, в продукты своего самодвижения, она и превращается в относительно самостоятельную форму развития” [23, с. 244]. “Выступает ли определенная закономерность на первоначальных этапах развития предмета или на стадии его неполной зрелости, все равно она есть закон исторически определенной и в этом смысле самодовлеющей органической системы”, – уточняет М. Туровский [35, с. 245]. Наконец, В.П. Кузьмин показал, что понятием “органическая система” автор “Капитала” обозначал такие системы, в основании которых “лежит некий определенный тип жизнедеятельности или способ существования, составляющий материальный базис данной системы” [24, с. 116].

Таким образом, можно сделать вывод: для Выготского естественность предмета исследования означает подчиненность этого предмета общим законам, в числе которых – сложность, способность к саморазвитию, наличие материального (т.е. реального) базиса. У Выготского предмет психологии как органическая система, аналогичен предмету экономики. А если мы обратимся к “Историческому смыслу психологического кризиса” и рассуждениям Выготского, посвященным развитию науки [12], – то и там увидим аналогичные

признаки предмета исследования: на этот раз – науковедения. *Независимо от того, является ли изучаемое явление предметом общественной или естественной науки (в традиционном понимании “естественности”), для Выготского такой предмет всегда является естественным – он способен к саморазвитию и обладает реальным базисом (“способом жизнедеятельности”).*

ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ – ОДУХОТВОРЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ

На наш взгляд, именно понятие “поведение” в смысле, который подразумевается Выготским, представляет собой обозначение им органической системы, являющейся предметом его исследования. Он неоднократно подчеркивал, что исследует поведение человека. Правда, эксплицитные определения поведения как предмета психологии даются автором культурно-исторической теории лишь на первом этапе развития его психологической системы, реже встречаются на втором и отсутствуют в текстах, раскрывающих содержание теории речевого мышления. В своих ранних работах Выготский прямо говорит о том, что именно поведение является предметом психологии [12, с. 57, 70]. Так же определенно он называет предмет своего исследования в теории развития высших психических функций, когда утверждает, что понятия “развитие высших психических функций” и “культурное развитие поведения” тождественны [14, с. 14], а также, что “развитие высших психических функций составляет одну из важнейших сторон культурного развития поведения” [14, с. 29].

Выготский приступил к созданию своей теории в то время, когда понятие “поведение” обозначало “все, что называют этим именем в сравнительной психологии” [37, с. 18]. *Поведение в биохевиористском толковании не только не включало в себя, но отрицало признак осознанности.* В основе толкования сознания в старой психологии лежало признание “коренного различия психики от физической природы” [12, с. 410]. С точки же зрения самого Выготского, “психика является частью самой природы. Как и вся остальная природа, она ... возникла в процессе развития” [12, с. 137].

Пожалуй, автор культурно-исторической теории и сам осознавал узость своей “поведенческой” терминологии, пытаясь понять “чем же отличается этот рефлекс от того” [12, с. 82]. Сознание в теории Выготского выступает как внутренний “момент” поведения. Поэтому оно не имеет своего “особого” бытия. *Не существует отдельно сознание и отдельно поведение.* Есть только поведение как предмет диалектической психологии, т.е. как “органическая система”, в основании которой лежит процесс взаимодействия человека с

окружающим его миром. По Выготскому, бытие сознания следует искать в поведении человека. В этом отличие изучения Выготским “бытийного слоя сознания” [9] от интроспекционизма, абсолютизовавшего рефлексивный слой сознания, и бихевиоризма, вообще отказывавшего сознанию в бытийности. Сознание в теории Выготского мы можем считать превращенной формой органической системы, т.е. явлением, не совпадающим с органической системой как со своей сущностью, но тем не менее указывающим на нее.

Конечно, можно заниматься и сознанием самим по себе, но это прерогатива гносеологии, где “кажимость есть” [12, с. 415]. В пределах же конкретно-психологического исследования сознание – только атрибут (движения) материи, мыслящего тела (Спиноза). Поэтому предметом такой “частной” психологии может быть только поведение, но не в бихевиористском его толковании, как явление, а как *процесс взаимодействия человека с окружающей его действительностью, приобретающий в ходе естественно-исторического развития особое свойство – осознанность*.

Перед нами возникает проблема: мы должны развести бихевиористское толкование понятия “поведение” и его толкование в теории Выготского. Поведение у Выготского – это внечувственная органическая система, данная субъекту в его превращенной форме – в сознании. *Нужен новый термин*. Его нет у Выготского. Но он необходим. Может быть, “осознанное поведение”, или “оухотворенное поведение”, или “деятельность”. В контексте данной статьи у нас нет возможности, да и не представляется необходимым вдаваться в проблемы терминологии. Главное – зафиксировать факт содержательного различия двух подходов к изучению поведения.

НАДО ИЗУЧАТЬ СОЗНАНИЕ, ЧТОБЫ ПОЗНАТЬ ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ

Сложность исследования психики заключается в неуловимости самого этого феномена. Любое явление, наблюдаемое исследователем, не может быть обозначено как наблюдение явлений сознания, которое в принципе не имеет своей феноменологии, поскольку не имеет своего, не зависящего от органической системы, бытия. В отличие от физики или биологии, изучающих существующие вне субъекта, но чувственно воспринимаемые объекты, предмет психологии принципиально ненаблюдаем и любое его описание непременно является следствием априорно принимаемых теоретических постулатов и является каузально-динамическим. Иными словами, *мы не можем произвести непосредственное описание предмета психологии, но можем этот предмет объяснить*.

Для того чтобы анализ психики был осуществлен, требуется выйти за пределы описания в терминах материального субстрата и оперировать исключительно категориями, обозначающими оторванные от материи свойства субстрата. Но этот закономерный и очевидный прием часто приводит к противопоставлению материального и идеального. Чтобы не впасть в ошибку такого противопоставления, необходимо в ходе психологического анализа систематически производить *сопоставление двух относительно независимых видов бытия*. Данное сопоставление – выражено ли оно эксплицитно или осуществляется только в сознании исследователя – препятствует абсолютизации психики как субстанции.

Современный Выготскому марксизм игнорировал самим же марксизмом постулированную относительность первичности материи по отношению к сознанию. Историческая первичность материи подменялась ее онтологической первичностью. Поскольку формальная интерпретация материалистического подхода к соотношению материального и идеального требует установления между тем и другим абсолютного отношения “первичное–вторичное”, то в качестве первичного в данном случае принимается именно то, что предлагает само сознание: в одних случаях таким первичным называется мозг человека (или высшая нервная деятельность), в других – поведение. Но и в первом, и во втором случаях сознание не может не выступать в качестве субстанции, рядоположной материи. Таким образом, вульгарный материализм, по форме отмежевываясь от идеалистических (и дуалистических) концепций, по содержанию смыкается с этими теориями в представлении сознания как субстанции.

Выражая свое понимание проблемы сознания в статьях, посвященных критике поведенческой психологии, Выготский утверждает, что “сознания ... как особого способа бытия не оказывается” [12, с. 98]. Данное толкование направлено против субстанционализации сознания как в традиционной психологии, так и у бихевиоризма. Противопоставление материи и сознания, утверждает Выготский, есть *результат смешения гносеологического и онтологического аспектов проблемы*: “В гносеологии кажимость есть, и утверждать о ней, что она есть бытие, – ложь. В онтологии кажимости нет вовсе. Или психические феномены существуют, тогда они материальны и объективны, или их нет – тогда их нет и изучать их нельзя. Невозможна никакая наука только о субъективном, о кажимости, о призраках, о том, чего нет... Нельзя сказать: в мире существуют реальные и нереальные вещи – нереальное не существует” [12, с. 415]. Выготский предлагает однозначное решение этой дилеммы: “Субъективное есть кажущееся, а потому его нет” [12, с. 415],

Что же это такое: часть природы, которой нет и изучить о которую неспособна никакая наука? Можно ли дать ответ на этот парадоксальный вопрос? Да, если вспомнить одно слово, которое есть у Выготского, но выпавшее из нашего вопроса. Это слово “только”. *“Только” о субъективном наука невозможна.* Ведь “сознания ... как особого способа бытия не оказывается”. “Особого”! А какой же способ бытия есть сознание? Где же его искать, это самое “неособое” бытие?

Отвечая на этот вопрос, Выготский обращается к той “естественнонаучной парадигме”, на фоне которой разворачивалась его научная деятельность, вычерпывает из нее концепции, релевантные его теории, и анализирует их, отбирая верные (по крайней мере, с точки зрения самого Выготского) и отбрасывая ложные. Бихевиористы исследовали поведение, но отрицали возможность изучения сознания. Это – тупик. Но есть работы А.Н. Северцова, который показал, что психический процесс вызывает изменение свойств и структуры поведения. Есть “Рефлексы головного мозга” и “Элементы мысли” И.М. Сеченова. “Естественнонаучная парадигма” настойчиво убеждала: *психика есть приспособительная реакция, целостно включенная в цепочку жизненных отклонений организма.*

С точки зрения Выготского, исследование сознания должно заключаться в следующем. Существуют, с одной стороны, мир вещей и – с другой, реальный субстрат сознания (органическая система). *Итогом их взаимодействия является сознание.* Сравнивая сознание с зеркальным отражением вещей, Выготский пишет: “Если мы будем знать вещь и законы отражения света, мы всегда объясним, предскажем, по своей воле вызовем, изменим призрак. То же и в психологии... Загадка психики решится ... не путем изучения призраков, а путем изучения двух рядов объективных процессов, из взаимодействия которых возникают призраки как кажущиеся отражения одного в другом” [12, с. 416].

Таким образом, в ходе построения Выготским своей теории предмет исследования утрачивает эмпирическую (в сенсуалистском толковании), очевидную “онтологическую” отграниченность. Соответственно, и рефлекс утрачивает признаки отграниченной, чувственно воспринимаемой области бытия. В этой связи можно привести высказывание А. Бергсона: “Есть только одно средство опровергнуть материализм, а именно: установить, что материя абсолютно такова, какою она кажется. Этим из материи исключалась бы всякая виртуальность, всякая сокрытая сила, а явления духа получили бы независимую реальность” [4, с. 65]. Очевидно, не случайно А.Н. Леонтьев, проводивший исследование опосредованного запоминания под непосредственным руководством

Л.С. Выготского, приводит это высказывание на страницах своей книги [27, с. 20] со следующим комментарием: «Говоря о научной несостоятельности чистой эмпирики, мы ... хотим лишь выразить ту мысль, что “познание, желающее брать вещи так, как они есть, впадает в противоречие с самим собой”» [27, с. 29]. Для нас это означает, что не предмет “утрачивает” свою реальную связь с “онтологией” (и объективной реальностью), а, наоборот, “онтология” предмета получает неполное толкование в теоретической системе. Это – указание на *необходимость изменения представлений о предметной области исследования.*

В пределах гносеологического исследования мир выступает как нечто внешнее по отношению к психике, психика – как средство жизнедеятельности субъекта. Именно к этому явлению можно отнести слова Л.С. Выготского: “Психика построена по типу инструмента, который выбирает, изолирует отдельные черты явлений: глаз, который видел бы все, именно поэтому не видел бы ничего, сознание, которое сознавало бы все, ничего бы не сознавало, и самосознание, если сознавало все, не сознавало бы ничего. Наш опыт заключен между двумя порогами, мы видим лишь маленький отрезок мира; наши чувства дают нам мир в выдержках, извлечениях, важных для нас. Внутри порогов они опять отмечают не все многообразие применений, а переводят их опять через новые пороги. Сознание как бы прыжками следует за природой, с пропусками, пробелами. Психика выбирает устойчивые точки действительности среди всеобщего движения. Она есть островки безопасности в гераклитовом потоке” [12, с. 347]. Однако *за пределами гносеологического исследования мы должны рассматривать психику как одну из форм развития мира.* Тогда психика теряет свою абсолютную противопоставленность бытию, рассматривается как часть бытия и, таким образом, рассматриваемое (безотносительно к своей функции) приобретает статус “чистого процесса”. Здесь и само психическое мы интерпретируем как “гераклитов поток”. Это – тот процесс, который лежит в основе “выбора устойчивых точек действительности среди всеобщего движения”.

Именно в этом пункте прослеживается отличие концепции Выготского от традиционного естественнонаучного взгляда. С точки зрения традиционного естествознания, предмет исследования – это отграниченная, структурированная, поддающаяся объяснению, имеющая свою историю часть чувственно воспринимаемой реальности, исследование которой позволяет сделать выводы, распространяемые на более обширные сферы реальности же. Для Выготского сознание – реальность, необходимая для того, чтобы, изучив ее, сделать выводы о реальности, принципиально

невоспринимаемой органами чувств. В этом коренное отличие теории Выготского от других психологических учений: в пределах конкретно-психологического исследования (“онтологически”) нельзя изучать отдельно сознание (как это пытались делать интроспекционисты) и бессмысленно изучать отдельно поведение (как это делали бихевиористы). *Только через сознание мы можем познать ту органическую систему, которая является предметом психологического исследования.*

Таким образом, в соответствии с концепцией соотношения сознания и поведения, разработанной Выготским на первом этапе его психологической деятельности, сознание выступает как внутренний “момент” поведения человека. В свою очередь, содержание понятия “поведение” в работах Выготского, включающее в качестве своего внутреннего “момента” сознание, явно отличается от того содержания, которое вкладывали в это понятие представители поведенческих направлений. Поведение человека в теории Выготского качественно отличается от поведения в бихевиористском толковании своей осознанностью. Это, если воспользоваться термином К. Маркса, — “*органическая система*”, в основании которой лежит процесс взаимодействия человека с окружающим его миром.

Предложенный Выготским теоретический подход вступает в противоречие с содержанием понятия “поведение” в том его толковании, которое было принято в различных поведенческих психологических концепциях. Поведение в бихевиористском толковании отрицает осознанность. Напротив, у Выготского поведение оказывается осознанным процессом, а это значит, что понятие “поведение” перерастает те границы, которые были поставлены поведенческой психологией.

Фраза, вынесенная в начало этой статьи как эпиграф, — из “Исторического смысла психологического кризиса” Выготского. К сожалению, ее смысл редко относится современными исследователями к психологической системе самого Выготского. Может быть, в противном случае не было бы столь контрастных оценок его творчества: то он в начале был бихевиористом, а в конце стал символистом, то в начале был символистом, а потом — когнитивистом... На наш взгляд, методология Выготского, которую можно понять, только охватив всю его психологическую систему, в то же время, является логическим истоком конкретно-психологических построений Льва Семеновича. Поэтому логичным представляется увидеть в его методологических построениях элементы конкретно-психологических воззрений. А это станет возможно, только если рассматривать отдельные части теоретической конструкции

Л.С. Выготского сквозь призму его общего методологического подхода. В настоящей статье была предпринята такая попытка в отношении хронологически первых этапов построения Л.С. Выготским своей психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М., 1996.
2. Асмолов А.Г. Психология личности. М., 2001.
3. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания. М., 2002.
4. Бергсон А. Материя и память. СПб., 1911.
5. Бердяев Н.А. Сочинения. М., 1989.
6. Бехтерев В.М. Объективная психология. СПб., 1907.
7. Брушлинский А.В. Культурно-историческая теория мышления. М., 1968.
8. Василиук Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
9. Велихов Е.П., Зинченко В.П., Лекторский В.А. Сознание: опыт междисциплинарного подхода // Вопросы философии. 1988. № 11. С. 3–30.
10. Вертгеймер М. О гештальттеории // История психологии. XX век. Москва-Екатеринбург. 2002. С. 189–207.
11. Выгодская Г.Л., Лифанова Т.А. Лев Семенович Выготский. М., 1996.
12. Выготский Л.С. Собр. соч. М., 1982. Т. 1.
13. Выготский Л.С. Собр. соч. М., 1982. Т. 2.
14. Выготский Л.С. Собр. соч. М., 1983. Т. 3.
15. Выготский Л.С. Собр. соч. М., 1983. Т. 5.
16. Выготский Л.С. Собр. соч. М., 1984. Т. 4.
17. Выготский Л.С. Проблема культурного развития ребенка. // Вестник Московского университета. Психология. 1991. № 4. С. 5–18.
18. Грушин Б. Логический метод исследования // Философская энциклопедия. М., 1964. Т. 3. С. 238–240.
19. Дорфман Л.Я. Исторические и философские корни научного метода в эмпирической психологии. Екатеринбург, 2001.
20. Зинченко В.П. От классической к органической психологии // Вопросы психологии. 1996. № 5. С. 7–20.
21. Зинченко В.П. От классической к органической психологии (окончание) // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 6–25.
22. Зинченко В.П. Мысль и слово Густава Шпета. М., 2000.
23. Ильенков Э. Логическое и историческое // Философская энциклопедия. М., 1964. Т. 3. С. 242–245.
24. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980.
25. Ленин В.И. Полн. собр. соч., 5-е изд. М., 1961. Т. 18.
26. Леонтьев А.А. Творческий путь Алексея Николаевича Леонтьева // А.Н. Леонтьев и современная психология. М., 1983. С. 6–39.

27. Леонтьев А.Н. Развитие памяти. М.—Л., 1931.
28. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М., 2001.
29. Мак-Гайр У.Дж. Ин и Янь прогресса в социальной психологии: семь принципов // Современная зарубежная социальная психология. М., 1984. С. 32–49.
30. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. М., 1963. Т. 25. Ч. II.
31. Овчинников Н.Ф. Отрицание отрицания в развитии научной мысли // Диалектика отрицания отрицания. М., 1983. С. 90–98.
32. Павлов И.П. Полн. собр. соч. М.—Л., 1951. Т. 3(1).
33. Пузырей А.А. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология. М., 1986.
34. Рубинштейн С.Л. Из научного наследия // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы. М., 1989. С. 364–373.
35. Туровский М. Логическое и историческое // Философская энциклопедия. М., 1964. Т. 3. С. 245–246.
36. Уотсон Дж.Б. Психология как наука о поведении. М., 1926.
37. Уотсон Дж.Б. Психология с точки зрения бихевиориста // История психологии. XX век. Москва-Екатеринбург, 2002. С. 106–127.
38. Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии. М., 1974.

THE SENSORY AND EXTRASENSORY IN THE SUBJECT OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH: L.S. VYGOTSKY'S APPROACH

S. M. Morozov

Vice-chief of the publishing house "Smysl", Moscow

There are analyzed the relations between of categories "behavior" and "consciousness" at the first stage of development of L.S. Vygotsky's theory. It is suggested to consider his subject of research (spiritual behavior) using the notion of "organic system".

Key words: subject of research, behavior, consciousness, psychology as a natural science, organic system, spiritual behavior.